

Красная пелена застила глаза. Я глухо застонала и постаралась перевернуться на спину, но у меня это не получилось. В багровых сумерках я слабо различала что-то синее-белое, глянцевое, в черных точках и подтеках. Мокрые спутанные пряди лезли в глаза, застилая свет. Я мотнула головой, и мир вздыбился. Не в силах удерживать тяжелую, как чугунный котелок, голову, я уронила ее на пол. Челюсть лягнула, и я едва не взвыла от боли.

Боль осязаема. Но кто придумал, что она не видна невооруженным глазом. Если бы меня в тот момент спросили, как выглядит боль, я, не задумываясь, ответила бы: синее-белая шахматная абстракция, с черно-красными брызгами, хаотично усеявшими все вокруг, застилаемая черными вспышками в багровом свете. Если бы меня спросили, какова боль на вкус, я столь же быстро ответила бы: соленая. Вкус слез и крови. Если бы кто-то поинтересовался, как она пахнет, я ответила бы: туалетным утенком с ароматом лимона, химическим ароматизатором и чем-то необъяснимым, но невероятно знакомым... Что-то такое, известное всем и каждому... Вертится же в голове... Ах да...

Боль пахнет кровью.

Я закрыла глаза и с трудом сдержала рвущееся из груди рыдание. Я знала, что так было нужно, потому что тот, кто заставил меня страдать, был еще рядом. Я не видела его, не слышала его дыхания, не чувствовала этой невероятной вони, смеси сигарет и дешевой туалетной воды, но всей кожей чувствовала, что он все еще близко. И что он все еще опасен и может сделать со мной все что угодно.

Замри.

Прижмись к полу. Притворись мертвой.
Гризли не едят падали. Они равнодушно проходят мимо.
Если я не буду шевелиться, он потеряет ко мне интерес.
И тогда я буду свободна.

Тише...

Тише... Умерь дыхание, заглуши всхлипы. Он все еще смотрит на тебя...

Я пошевелила пальцами. Они плохо слушались и болели, точно их вывернули тисками. Открыв глаза, я словно в тумане увидела свою руку, смазанный силуэт пятилапного паука с окровавленными трясущимися скрюченными лапками, одна из которых была охвачена золотым кольцом. Рука лежала на холодной глянцевой поверхности голубого цвета, отражающей верхний свет. Щека моя была прижата к чему-то зеленому, лохматому и теплomu. Видела я плохо, соображала туго и откровенно не понимала, где я и что со мной. Я моргнула несколько раз, и только тогда до меня дошло.

Я лежала на полу собственной ванной. Голубая глянцевая поверхность — кафель на полу. Зеленое и мохнатое подо мной — коврик для унитаза. Шахматная сине-белая поверхность — облицованная кафелем ванна, а нанесенные в хаотичном беспорядке черные точки — это...

Это моя кровь. Только точки не черные. Они красные, но уже успели слегка подсохнуть. Значит, я лежу здесь достаточно долго. За спиной в трубах канализации зарычала вода. Это напомнило мне, что вокруг люди и что, если мне повезет, я смогу выбраться отсюда живой.

Наверное, я застонала слишком громко, когда поднималась, потому что вокруг все сразу пришло в движение. В комнате, где все это время что-то шелестело, словно пронулся ураган со смешным названием Эль-Ниньо. Я всегда удивлялась, как ураганам дают такие безобидные названия.

Эль-Ниньо несся в мою сторону. И спасения от него не было.

Я все же сделала попытку подняться — для того, чтобы снова рухнуть на пол, но долететь до земли не успела. Ураган влетел в мое убежище, мою голубую пещерку с зеленой травой, и подхватил меня, вознося вверх.

— Очухалась, сука? — проскрипел он, держа меня в своих медвежьих объятиях.

Я слабо взвизгнула, а Эль-Ниньо потряс меня так, что мои зубы застучали, а волосы взвились в безумном танце, хлеща меня по шее и щекам. От Эль-Ниньо дурно пахло сигаретами, выпитым накануне спиртным, ментоловой жвачкой и незалеченными зубами.

— Вспомнила, где денежки? — пробубнил ураган.

Я отрицательно помотала головой.

— Не вспомнила? — казалось, огорчился ураган и вцепился мне пощечину, от которой моя голова чуть не взорвалась.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — прошептала я, вовсе не уверенная, что ураган меня услышит.

Однако слух у Эль-Ниньо был чутким.

— Не знаешь? Или ты мне тут вату катаешь? Все знают, что бабки у тебя. Короче, слушай сюда, кукла. Мне некогда тут с тобой лясы точить. Не хочешь отвечать по-хорошему, я тебе сейчас паяльник затолкаю туда, куда обычно я сую совсем другое. И вот тогда ты у меня по-другому запоешь...

На тот момент мне было уже все равно. Слова Эль-Ниньо доходили до меня, как из-под толстого слоя той самой пресловутой ваты, которую я, по его мнению, тут катала. Я закатила глаза, мои ноги подломились, и я сделала попытку рухнуть. Однако ураган держал меня крепко. Потом меня куда-то потащили, недалеко и недолго, и рывком наклонили вниз. Мои ноги ощущали махровую траву, зеленого, готова поклясться, цвета. А потом на мою голову обрушился водопад. Я закашлялась, отфыркиваясь и отплевываясь, словно тонущая эпилептичка, вцепившись в своем безумии во что-то мягкое и теплое.

— Слушай меня, — вкрадчиво сказала мягкое и теплое, — ищи бабки, если хочешь жить. И не думай, что сможешь смыться. Потому что я с тебя глаз не спущу. Сроку тебе неделя. Через неделю мы с тобой поговорим по-другому.

Я сфокусировала взгляд на говорившем. Туповатое лицо с тяжелой челюстью, маленькими глазками без всякого признака жизни в них, перебитый нос и уродливая родинка на шее. Зрелище это настолько заворожило меня, что я даже всхлипывать перестала. И в этот самый момент мне стало ужасно страшно. Я отчетливо поняла, что этот человек меня убьет. Не сегодня, так завтра. Ему это все равно что высморкаться.

— Чего уставилась? — пожившись, спросил он.

— Чтобы на том свете не обознаться, — прошелестела я.

Он матерно выругался и швырнул меня в стену. Я споткнулась о ванну, упала в нее, ударившись о стену. Сверху на меня посыпались осколки зеркала. Горячая струйка побежала по шее. Я взвыла от боли, а он удовлетворенно рассмеялся.

— Неделя, помни об этом, — назидательно сказал он и, кажется, даже пальцем погрозил. А потом вышел из ванной, где я лежала, усыпанная битым зеркальным полотном, истекающая кровью, готовая скончаться в любой момент. Потом хлопнула входная дверь, и я медленно сползла глубже, направила на себя воду и медленно отрешилась от этого мира.

Покой и тишина...

Элегия...

Родители Алисы развелись, когда ей исполнилось шесть.

В тот день все вообще шло как-то наперекосяк. Бабушка с утра варила кашу, засмотрелась в телевизор и спохватилась только тогда, когда по квартире распространился неаппетитный запах гари. Мама утром проспала на работу и убежала в разных туфлях, потом вернулась, переобулась — снова в разные, вернулась вновь и умчалась, бормоча себе под нос,

что вот так опаздывать просто неприлично. Отец отсыпался после ночной смены и на Алису не обращал никакого внимания. А сама она ходила расстроенная и злая, хотя подобные чувства в ее возрасте не должны аккумулироваться. Это самое слово она подслушала у подружки матери — толстой тетки с хитроумной работой психолога. Тетка была омерзительная, и Алиса ее не любила. Та вечно норовила потрепать ее за щечку, поправить бантик и застегнуть пуговку на платье, а потом менторским тоном пожуришь мать за то, что единственная дочь ходит растрепкой. Алиса таких гостей не любила. Тетка ни разу не принесла ей даже завалящей шоколадки. А на день рождения, ее, Алисин день рождения, тетка заявила без приглашения, откушала праздничных блюд и даже кусок торта выбрала самый лучший, с сиреневой розочкой, который должен был достаться имениннице. А потом в кухне, где они с матерью курили, тетка с идиотским именем Роксана выговаривала матери, что дочка ее — просто бука, не умеющая себя вести, и что в таком возрасте негатив не должен в ребенке аккумулироваться.

Для Алисы это слово было непонятным. Только через много лет она узнала, что «аккумулироваться» в данном конкретном случае обозначало «накапливаться». Но тогда ей казалось, что эти самые пресловутые чувства кляксами сползаются под ее кровать и только и ждут, чтобы напасть на нее в темноте. Негатив для Алисы совершенно справедливо ассоциировался с черной пленкой от старенького фотоаппарата «Смена», которым папа снимал всю семью, а потом сам проявлял и печатал фотографии. Алиса сидела с ним в темной комнате, освещенной красной лампой, и не дыша смотрела, как в пластмассовой ванночке проявляются лица знакомых ей людей. Иногда папа разрешал ей поддеть деревянным пинцетом без зубчиков мокрую лоснящуюся бумагу с едким тягучим запахом и переложить ее в другую, где фотографию требовалось «закрепить». Потом папа цеплял фотографии деревянными прищеп-

ками на растянутую по комнате веревку. А бабушка из-за дверей ворчала, что ребенку уже давно пора спать, а не сидеть с голым пузом в душной комнате, еще голова заболит чего доброго...

Мама в эти разговоры не вмешивалась. Никогда. И, как считала Алиса, не потому, что так было нужно. Наверное, потому, что мама не любила папиных занятий и никогда их не одобряла.

В этот день, ставший последним днем семьи Филипповых, Алиса была очень расстроена. Не так давно в соседнем доме затеяли ремонт. На детскую площадку вывалили кучу глины, песка и мелкого щебня. Если учесть, что от площадки осталось одно название в виде покореженной железной горки, сломанного турника и баскетбольного щита без кольца, дети такой перемене обрадовались. Поначалу Алиса и все ее подружки лепили простенькие куличики и пасочки, формируя их ведерками и формочками, копались в щебенке, выискивая мелкие красивые камешки. А потом Алисе пришло в голову вылить в никак не желавшую держать форму пасочку немного воды. Алиса, собственно, устраивала для своей куклы кашу-малашу, коей и намеревалась игрушку накормить. Но тут девчонок позвали по домам. Алиса вылила вязкую массу на землю и тоже покинула площадку.

На следующее утро Алиса с удивлением обнаружила, что вылитая ею на землю каша-малаша затвердела и превратилась в плоский и твердый, как камень, блин. В серединке монолитом застыла пуговица от платица куклы. Поковыряв пальчиком пуговицу, Алиса убедилась, что раствор держит крепко, выдолбила пуговицу прихваченным из дома железным самолетиком, а потом устала на раскученную глиняную лепешку. Идея, мгновенно сформировавшаяся в ее маленькой голове, ей неожиданно понравилась.

Когда подружки вышли на прогулку, Алиса уже украшала вываленный на землю блин красивыми камешками,

выкладывая из них солнышко с длинными лучами. Подружкам новая затея тоже пришлась по душе, и до самого вечера девчонки и мальчишки приготовили целую выставку мозаик.

Рыская по куче щебня, Алиса выискала среди камешков один невероятной красоты — сиреневый, с черными точками, гладкий и почти круглый. Камешек был такой красивый, что Алиса забыла про свою подсыхающую глиняную лужицу.

— Чего у тебя там такое? — спросила Женька, лучшая подружка, заинтересовавшаяся Алисиной находкой.

— Камешек, — нехотя ответила Алиса и протянула подружке находку. Женька покатила камешек в руке, а потом предложила, хитро сощутив глаз:

— Давай меняться?

— На что? — поинтересовалась Алиса, глядя, как ее камешек оказался в опасной близости от Женькиного кармана, где пропадало все на свете раз и навсегда.

Женька протянула замурзанную ручонку, на которой лежали два камешка. Трофеи подружки Алиса оценила с гримаской презрения. Камешки у Женьки были самые обычные. Один желтоватый, таких было много, второй зеленый. Такие попадались реже, но особым дефицитом не были. Маринка, девчонка постарше, из таких вот зеленых камешков целую березку сделала...

Алиса отрицательно покачала головой и протянула ручку:

— Отдай.

Женька сморщилась, словно готовясь заплакать, и отдавать камешек не спешила.

— Отдай, — настойчиво потребовала Алиса. — У меня сейчас там все высохнет, а я рыбку хотела сделать.

— Алис, — заканючила Женька, — подари мне его, а? Он мне так нравится...

— Еще чего! — возмутилась Алиса. — Это я его нашла!

— Ну и что? — ныла Женька. — Зачем он тебе? А я его кукле на шею повешу. Будет у нее взаправдашнее ожерелье, как у принцессы.

— Отдай сейчас же! — закричала Алиса. — Это мой камешек, я его нашла!

Женька скривилась, но все-таки руку протянула и вернула Алисе ее сиреневый трофей. На мгновение Алисе стало жалко подругу, и она уже была готова, махнув рукой на все, подарить подружке в принципе не слишком нужный ей камешек. Но алчный и злобный взгляд Женьки заставил Алису замолчать. Подружка, бросая на Алису взгляды исподлобья, удалилась к куче щебня и стала выискивать там красивые камешки. Алиса вздохнула и принялась выкладывать на подсыхающей глине узор. Из сиреневого камня получился прекрасный глаз. Белые и желтоватые пошли на чешую и плавники, а из буроватых Алиса выложила хвост. Получилось немного кривовато, но в целом довольно мило.

Утром того злополучного дня Алиса вышла во двор, чтобы полюбоваться на свою рыбку. День выдался солнечный, так что рыбка давно должна была высохнуть. Алиса приблизилась к своей мозаике, уставилась на землю и заревела.

Глиняная лепешка была разбита. Не просто разбита, как бывает, когда на нее случайно наступает кто-то не слишком внимательный, а изуродована. Вся ее поверхность была истыкана каким-то острым предметом, камешки извлечены, и, что самое главное, сиреневого камешка, который так украшал всю композицию, в центре рыбки не было.

Алиса с ревом бухнулась на коленки и принялась за поиски. Она пыталась утешить себя тем, что камешек где-то заваялся, что она непременно его найдет, но уже сама понимала, что все это бесполезно. Аккумуляированная клякса негатива приползла из-под кровати ее комнаты, разбила ее мозаику и украла самое дорогое, что у нее было, — сиреневый камешек. Всхлипывая, Алиса кинулась к лавочкам

у подъезда, куда как раз вышла ватага девчонок. Среди них была и Женька. Алиса бросилась к подружке, чтобы пове­дать ей страшную историю вандализма, но Женька вдруг шарахнулась от Алисы, закрывая собой что-то кружевное и нарядное. Однако сделала она это недостаточно быстро. Ошарашенная Алиса увидела за спиной подружки ее парад­ную куклу... с сиреневым камешком на шнурке вокруг шеи.

Алиса не смогла сказать ни слова. Она стояла с наполня­ющимися озерами глаз, из которых скатывались одинокие слезинки, проложившие на замурзанном личике канавки. Женька молчала и хлопала ресницами, судорожно прижи­мая куклу к себе. Деревянными шагами Алиса прошла мимо подруги и вошла в свою квартиру.

Скандал уже затухал. Алиса сразу это поняла по тем от­голоскам, которые доносились из кухни. Мать рыдала, а отец что-то говорил раздраженно и отрывисто, как всегда, когда сердился. Бабушки не было видно. Она наверняка притаи­лась где-то в глубине квартиры, чтобы не попасть под горя­чую руку дочери или зятю. Когда Алиса оказалась в прихо­жей, ей захотелось броситься к родителям, рассказать им про коварную Женьку, но едва она сунулась в кухню, как отец развернул ее, шлепнул по попе и захлопнул дверь. Спорить с отцом Алиса не решилась и ушла в комнату, которую де­лила с бабушкой. Та действительно сидела там, стараясь не дышать. По плотно сжатым губам старушки Алиса поняла, что в доме что-то не так...

«Что-то не так, что-то не так...» — отбивали ходики с кукушкой на стене. «Не так — не так», — соглашался по­езд, проносившийся совсем рядом. Дом Алисы стоял рядом с железной дорогой. Иногда проносившиеся мимо поезда свистели так, что маленькой девочке казалось, будто они влетят в ее комнату. Успокаивала мысль, что поезда ходят все-таки на первом этаже, а Алиса живет на втором, так что на этот счет беспокоиться следует скорее противной бабе Нюре, живущей как раз под квартирой Алисы. И потом,

поезд — это все-таки что-то земное, понятное... Не похожее на темные кляксы под кроватью, которые так и норовили схватить тебя за ногу...

При виде Алисы бабушка испуганно подскочила на месте. И хотя она улыбнулась внучке, Алиса поняла, что бабушка напугана ничуть не меньше ее.

— Алисочка, ты чего это так рано? Нагулялась уже? Сейчас, сейчас кушать будем... Хочешь кушать?

— Не хочу, — помотала головой Алиса.

— А чего у тебя глазки заплаканы? — всполошилась бабушка и бросила в сторону кухни встревоженный взгляд. — Тебе папа что-то сказал?

Алиса выложила бабушке все. И про разбитую рыбку, и про сиреневый камешек, который вероломная подружка повесила на шею своей кукле, и про то, что папа только что шлепнул ее по попе ни за что. А кушать она не хочет, разве что молока с печеньем.

Бабушка опасливо взглянула в сторону кухни и в нерешительности замялась возле дверей. Идти туда, где еще гремели залпы полковых орудий, ей не хотелось. И тут на лице старушки появилась плутоватая улыбка.

— Иди сюда, внученька, я тебе кое-что покажу.

Бабушка достала из шифоньера плоскую, оклеенную мелкими ракушками шкатулку, которую Алисе строго-на-строго запрещали трогать. При всем желании достать до верхней полки Алиса не могла, а бабушка демонстрировала свои сокровища очень неохотно. А теперь вожденная шкатулка оказалась так близко, что Алиса немедленно забыла все свои горести. Женька, камешек и сердитый папа отошли на второй план.

Под крышкой шкатулки оказались совершенно потрясающие вещи. Длинная нитка жемчуга, брошь со сверкающими бриллиантами, золотая цепочка, желтые бусы, красные бусы... и нечто совершенно невероятное. Когда Алиса увидела это, у нее перехватило дыхание.

«Этим» оказалась роза. Самая настоящая роза из сверкающих капелек росы, застывшей на крыльях бабочек, украшение феи, подарок для Золушки... Все, что угодно, только не обыкновенная брошка. Алиса от изумления открыла рот. А бабушка, как фокусница, выуживала из шкатулки все новые и новые сокровища. Вслед за розой на свет божий показалось роскошное ожерелье из тех же капелек, преимущественно красного цвета, с вкраплениями более крупных, насыщенных и глянцевых. Потом бабушка показала еще одно ожерелье, бело-зеленое, как травка, пышное и совершенно невероятное по своему рисунку, в которое были вплетены листики и цветочки. И последним оказалось ожерелье из белых искр, нежное и холодное одновременно, словно его только что носила сама Снежная Королева.

— Что это, бабушка? — прошептала Алиса, к которой никак не мог вернуться голос.

— Это, милая, бисер. Все эти бусы и брошь я сделала сама. Моя матушка была большая мастерица по этой части и меня научила. Вот в этом, — бабушка ткнула скрюченным пальцем в ожерелье Снежной Королевы, — выходила замуж твоя мама. Я плела его ей на свадьбу.

Из глаз бабушки на белый бисер упала слезинка. Бабушка по-простецки смахнула ее рукой и улыбнулась:

— Вот, все маму твою пыталась научить плетениям, да только не хотела она учиться. А ты у меня уже совсем большая. Хочешь, я тебя научу?

Алиса хотела. Бабушка тут же вынула откуда-то целый мешок разноцветных бусинок и принялась объяснять внучке хитрости бисероплетения. Они провозились с бусами довольно долго, а из кухни все слышалось бубнение матери и резкие выкрики отца. Бабушка нервно косилась в ту сторону и преувеличенно громко говорила Алисе: «Нет, нет, это вот сюда, а вот эту ниточку вниз...»

Дзынь!

Алиса и бабушка подскочили, как ужаленные.